

Прошло еще минут десять, и Кун Цин с Ван Синьтянь погрузились в молчание.

Первый час фильма был перегружен деталями, которые Кун Цин не успевала запоминать, к тому же приходилось отвлекаться на попкорн.

Фильм длился два с половиной часа, сейчас шла середина, и Кун Цин окончательно запуталась. Ван Синьтянь, которая тоже не жаловала подобное кино, с каждой минутой всё меньше понимала происходящее.

Се Юйму наклонился к Кун Цин, слегка повернул голову и понизил голос:

— Охранник — хороший человек. В том кадре, что был раньше, руки принадлежат другому, скорее всего, сотруднику архива.

Кун Цин наострила уши и придвинулась ближе:

— И что дальше?

Под ошарашенным взглядом Чжоу Биня Се Юйму негромко продолжил:

— Сумка с документами, которую нес старый отставной полицейский, позже изменилась — значит, когда он поднимался на этаж, произошел обмен. Учитель, видимо, припрятал еще какие-то улики, которые нам пока не показали.

Кун Цин сочла это весьма логичным и, хрустя попкорном, согласно закивала.

Чжоу Бинь продолжал смотреть на Се Юйму с полным непониманием:

— Брат, я что, больше не твой любимчик?

— Тише, смотри внимательно, — Се Юйму принудительно развернул его голову обратно.

Кун Цин, продолжая смотреть, снова подалась в сторону Се Юйму:

— А этот студент? Ему можно верить?

— Его испуг поначалу мог быть наигранным, а может, он просто чего-то не знал. Нужно смотреть, как всё объяснят в конце.

Ван Синьтянь только собралась шепнуть Кун Цин: Кажется, эта рамка для фото уже мелькала у

судмедэксперта, как заметила, что подруга, только что сидевшая рядом, почти переползла на соседнее кресло. Боже, моя лучшая подруга сбежала!

В этот момент Учитель Чжао встал, бросил взгляд в их сторону и вышел из зала.

Кун Цин продолжала слушать тихие пояснения Се Юйму, не переставая кивать:

— Точно-точно, я тоже так подумала.

В финале убийцей оказался тот, на кого никто не думал, но Се Юйму еще в начале анализировал такую вероятность. Кун Цин была поражена — вот уж у кого светлая голова.

Когда зажегся свет, Учитель Чжао обвел взглядом учеников, и выражение его лица было весьма многозначительным.

В конце концов его взор остановился на их компании. Кун Цин стало не по себе, хотя она и не понимала почему.

Малоизвестный факт: инфракрасные камеры в кинотеатрах обладают отличным разрешением, и Учитель Чжао в очередной раз собрал компромат на многих учеников.

После сеанса все разошлись по домам. Кун Цин позвонила родителям, те сказали ждать у входа. Когда приехал водитель, он забрал её вместе с Ду Цяоци и повез в полицейский участок.

В прошлый раз Кун Цин получила от помощника лишь обрывочные сведения, в которых не было никакой сути, поэтому осталась крайне недовольна. Хотя она и пообещала отцу выбить для него премию, но для сплетен нужен талант — не каждому это дано.

Раз уж всё равно ехать, она решила прихватить и Ду Цяоци.

Дорога выдалась неловкой: все трое хранили молчание.

В участке, пока водитель доставал из багажника инвалидное кресло, Кун Цин уже ловко выпрыгнула из машины на одной ноге.

Какой-то мужчина проводил её в комнату для допросов, где находился Отец Хэ, чтобы обсудить дальнейшие шаги.

Сотрудники вкратце обрисовали ситуацию: личность Ду Цяоци тщательно проверили, опросили одноклассников из средней школы Чэннань — Ду Цяоци всё время была собой.

Откуда взялся серебряный замок, разумного объяснения не нашлось. Приемные родители были не в курсе, а сама Ду Цяоци твердила, что он был у неё всегда.

Приемные родители предоставили документы об усыновлении — процедура была оформлена по всем правилам.

На этом ниточка оборвалась.

Ду Цяоци привезли в другую комнату.

Там ситуация была сложнее: из-за того, что она с самого начала вела себя слишком самоуверенно, особенно на спортивных соревнованиях, это вызвало нехороший резонанс. К тому же отношения с приемными родителями были прохладными, успеваемость падала — проблем хватало.

Кун Цин заскучала и начала строить теории: возможно, та Ду Цяоци, которую встретила оригинальная владелица тела, была Хэ Шияо, не потерявшая замок, а та, что встретилась ей — просто прохожая, нашедшая его.

В конечном итоге всё зашло в тупик. Сотрудники составили протокол, вызвали родителей, те всё подписали, и на этом разошлись.

Мать Хэ вкратце рассказала о результатах Учителю Чжао, ведь он присутствовал при подаче заявления.

Родители Кун Цин в присутствии полицейского четко заявили: как только мы переступим порог, эта история будет забыта. Семья Ду Цяоци тоже пообещала больше не поднимать эту тему.

Кун Цин внешне улыбалась, но внутренне не верила ни на грош — еще не было таких сплетен, которые не удалось бы распространить.

В понедельник после соревнований, на линейке, директор и завуч долго выступали, сведя всё к двум пунктам: во-первых, пора взять себя в руки и готовиться к экзаменам; во-вторых, вместо обычной зарядки вводится бег.

Ученики завывали: под обычную музыку можно было филонить, а на бегу — ни капли.

Кун Цин посмотрела на свой гипс: может, не снимать его подольше? Совсем не хотелось бегать.

Вернувшись в класс, Кун Цин вернулась к прежнему ритму жизни: перестала следить за Ду

Цяоци и сосредоточилась на учебе.

На двух последних уроках самоподготовки нескольких отличников вызвали из класса. Кун Цин ждала возвращения Ван Синьтянь, чтобы та прояснила ситуацию.

Едва вернувшись, Ван Синьтянь заговорила:

— Это насчет олимпиад.

Кун Цин тут же потеряла интерес:

— Понятно, дальше можешь не рассказывать.

Она и в старшей школе не была связана с олимпиадами, так что вникать в подробности не видела смысла.

Впрочем, суть была ясна: учителя начали отбор учеников. Два урока самоподготовки в день отводились на тренировки, затем школьный этап, городской, областной, отборочный тур, финал, а после попадания в сборную — международные соревнования. В общем, топ-50 по стране в каждой дисциплине получали право на льготное поступление в Цзинбэй.

Из класса Кун Цин забрали всех, кто входил в топ-50 по предметам. Через десять дней их ждал тест, по результатам которого отберут лучших.

В итоге прошли только Ван Синьтянь, Се Юйму и староста Шао Чэнь, причем каждый по своему предмету.

Если бы Ду Цяоци училась так, как в средней школе Чэннань, у неё тоже был бы шанс, но сейчас ей было не до учебы, и оценки стали средними.

Кун Цин не понимала мира гениев. Ван Синьтянь как-то обмолвилась, что они уже прошли программу третьего года обучения, что повергло Кун Цин, всё еще грызущую программу первого, в отчаяние. Вот она — разница между людьми.

Словно при создании людей: одних богиня Нюйва лепила вручную, а других просто набросала из грязи с веревки.

Школьная программа не шла строго по учебникам: учителя планировали закончить программу второго года в первом семестре, а во втором — освоить весь третий год. Если не успеют, придется заниматься даже на летних каникулах. В общем, третий год целиком отводился на повторение в три-четыре круга.

Ван Синьтянь, беспокоясь о самодисциплине Кун Цин, придумала план: каждый день давать ей задания и проверять их на следующий день. Но объем, который Ван Синьтянь выполняла легко, для Кун Цин был таким, что стоило чуть отвлечься — и всё, не успеваешь.

Кун Цин была близка к краху. Смертельная доза учебы.

Однажды на перемене Кун Цин спросила:

— Если вы поступите в Цзинбэй по льготе, вам что, во втором семестре третьего года можно будет не приходить в школу?

Ван Синьтянь покачала головой:

— В школе отличная атмосфера, мне нужно готовиться к университету. Да и я должна помогать Учителю Чжао следить за порядком. Как раз будет время присматривать за тобой.

Кун Цин в отчаянии обхватила голову руками:

— Спасите!

Чжоу Бинь расхохотался.

Се Юйму посмотрел на него:

— Не смейся.

Чжоу Бинь опешил:

— Брат Се?

— Я буду присматривать за тобой.

Чжоу Бинь повторил жест Кун Цин:

— Спасите!

Нога в гипсе начала источать неприятный запах и чесаться, постоянно напоминая о течении времени.

Наконец, за неделю до экзаменов в конце месяца, мама отвела Кун Цин в больницу снимать гипс.

Мышцы голени заметно атрофировались, требовалась реабилитация, но зато можно было распрощаться с инвалидным креслом.

Первым делом, вернувшись из больницы, Кун Цин полезла в душ — если бы она не помылась, нога бы окончательно пропиталась этим запахом.

В редкие выходные Кун Цин позвала Ван Синьтянь погулять, но у той были занятия, поэтому Кун Цин пригласила Вэньвэнь, свою соседку по парте, на послеобеденный чай — поболтать и поесть десертов.

Увидев Кун Цин без гипса, Вэньвэнь воскликнула:

— Поздравляю!

— Хе-хе, свободна от оков инвалидного кресла, — Кун Цин пододвинула меню к Вэньвэнь. — Выбирай, что будешь.

Вэньвэнь быстро просмотрела список, сделала заказ и перешла к делу:

— Я слышала, Ду Цяоци — не твоя родная сестра?

— Откуда ты это взяла? — Кун Цин рассказывала только Ван Синьтянь, а та умела держать язык за зубами. Видимо, слухи пошли со стороны приемных родителей Ду Цяоци.

— Не знаю, кто первоисточник, но я слышала уже версий пять.

— Быстрее, рассказывай самую абсурдную! — Кун Цин заметно оживилась.

— Говорят, мать Ду Цяоци была любовницей твоего отца, хотела занять её место, а ребенок в итоге оказался неродным, — Вэньвэнь говорила нерешительно.

Кун Цин вытерла пот со лба:

— Ну они и загнули! Хотя в рамках мыльных опер это вполне стандартный сюжет.

— Еще говорят, что семья учителя Ду хотела вытрясти из вас денег и поэтому не отдавала ребенка.

— Тоже бред. Учитель Ду — педагог с отличной репутацией, зарплата в нашей школе приличная, ему это совсем не нужно.

— Не спеши, есть и похуже. Говорят, вы с ней — настоящая и поддельная наследницы, и настоящую, что выросла в нищете, подставила поддельная, а результаты теста ДНК подделаны.

Кун Цин остолбенела:

— Вот это поворот! Моя семья — не олигархи, обычная компания, мы даже виллу в центре купить не можем, какие еще наследницы? Боже, ну и фантазеры.

Вэньвэнь проглотила кусок торта и невнятно спросила:

— Так в чем же правда?

— Моя семья действительно потеряла ребенка, и мы его до сих пор не нашли, — Кун Цин не стала отвечать прямо.

— О, я поняла. Не волнуйся, я умею хранить секреты.

— Да плевать, что бы ты ни сказала, слухи не остановить. Но знаешь, сплетни всегда интереснее правды, — Кун Цин сделала большой глоток чая.

— Это точно. Когда я их слушала, то понимала, что правда меня, скорее всего, разочарует. Кстати, у меня еще вопрос: у вас с Се Юйму правда что-то есть? — Вэньвэнь всё-таки решилась.

— С кем? Что есть? С чего такой внезапный вопрос? — Кун Цин была ошарашена.

— Ты что, не знаешь? — удивилась Вэньвэнь.

— А что я должна знать?

— Твои способности к сбору сплетен на нуле. Оказаться в центре слухов и даже не знать об этом! — Вэньвэнь была разочарована.

— Говори уже, не тяни!

— Сейчас, если не считать Учителя Чжао и Учителя Фан, все только и говорят о вас. А те девчонки, что бегали за Се Юйму, говорят, уже несколько дней рыдают, мол, любовь всей жизни разбита.

— Ну, у них хотя бы правильные ценности, раз они не пришли ко мне с разборками, — Кун Цин похвалила их.

— Ты думаешь, они не хотели? Просто Се Юйму четко дал понять, что у него есть любимая, и попросил их не мешать, — Вэньвэнь замолчала, а потом добавила: — Так у вас правда ничего нет?

— Что? У него есть любимая? Я об этом не знала, — Кун Цин глубоко вздохнула и начала вспоминать. — После того как мы с классом ели хого, я с ним ни о чем, кроме учебы, не разговаривала. Так что ты подозреваешь?

— Да я и сама знаю, но слухи ходят такие убедительные, просто загляденье.

Вэньвэнь смотрела на неё с выражением: как было бы здорово, если бы это было правдой.

— Может, спросишь Чжоу Биня? — подсказала Кун Цин. — Кстати, мне самой стало любопытно, кто она.

— Думаешь, я не спрашивала? Бесполезно, Се его запугал, он молчит.

— Тогда я вообще не знаю, у кого спрашивать. Буду ждать новостей от тебя, умоляю!

Она действительно хотела знать, но баллов не было, а общаться с системой она больше не желала.

[5211: Я всё слышу.]

[Кун Цин: Прости.]

— Эх, их в последнее время на самоподготовке нет, пересечься негде, — посетовала Вэньвэнь.

— Синьтянь говорила, что после экзаменов они уезжают на сборы, не знаю, когда вернутся.

— Кажется, на десять дней, значит, в понедельник вернутся.

Так, перекидываясь словами, они перешли на другие сплетни и разошлись только после ужина.

После экзаменов олимпийцы уехали. Ван Синьтянь, словно передавая кому-то сироту, долго наставляла вице-старосту, прося присматривать за Кун Цин. Бедная вице-староста: сначала староста дала ей кучу поручений, теперь еще и староста класса — хорошо хоть у Се Юйму не было должности.

В день возвращения ребят со сборов Кун Цин как раз отпросилась с уроков на повторное обследование. Мать Хэ, узнав об этом, решила заодно провести и ежегодный медосмотр.

Кун Цин ходила по кабинетам с карточкой, она уже привыкла к процессу, поэтому Мать Хэ осталась в кабинете Доктора Гу, чтобы закончить дела.

Она услышала, как кто-то сказал, что на дороге произошла массовая авария: у грузовика отказали тормоза, он не остановился на светофоре и протаранил автобус и еще несколько машин, в больницу везут много пострадавших.

Кун Цин взглянула на список процедур — оставалось еще две, и она удержалась от желания побежать и всё разузнать.

В конце концов, Ван Синьтянь еще в десять утра прислала сообщение, что они уже вернулись в школу.

Иначе она бы обязательно подумала, не было ли в той аварии их автобуса.

Закончив все обследования, Кун Цин направилась в кабинет Доктора Гу к маме.

Случайно проходя мимо главного входа, она взглянула на машины скорой помощи и увидела, как выносят двух человек. Один был в форме их школы, а на его окровавленной ноге был наложен временный фиксатор.

<http://bllate.org/book/19938/1962546>